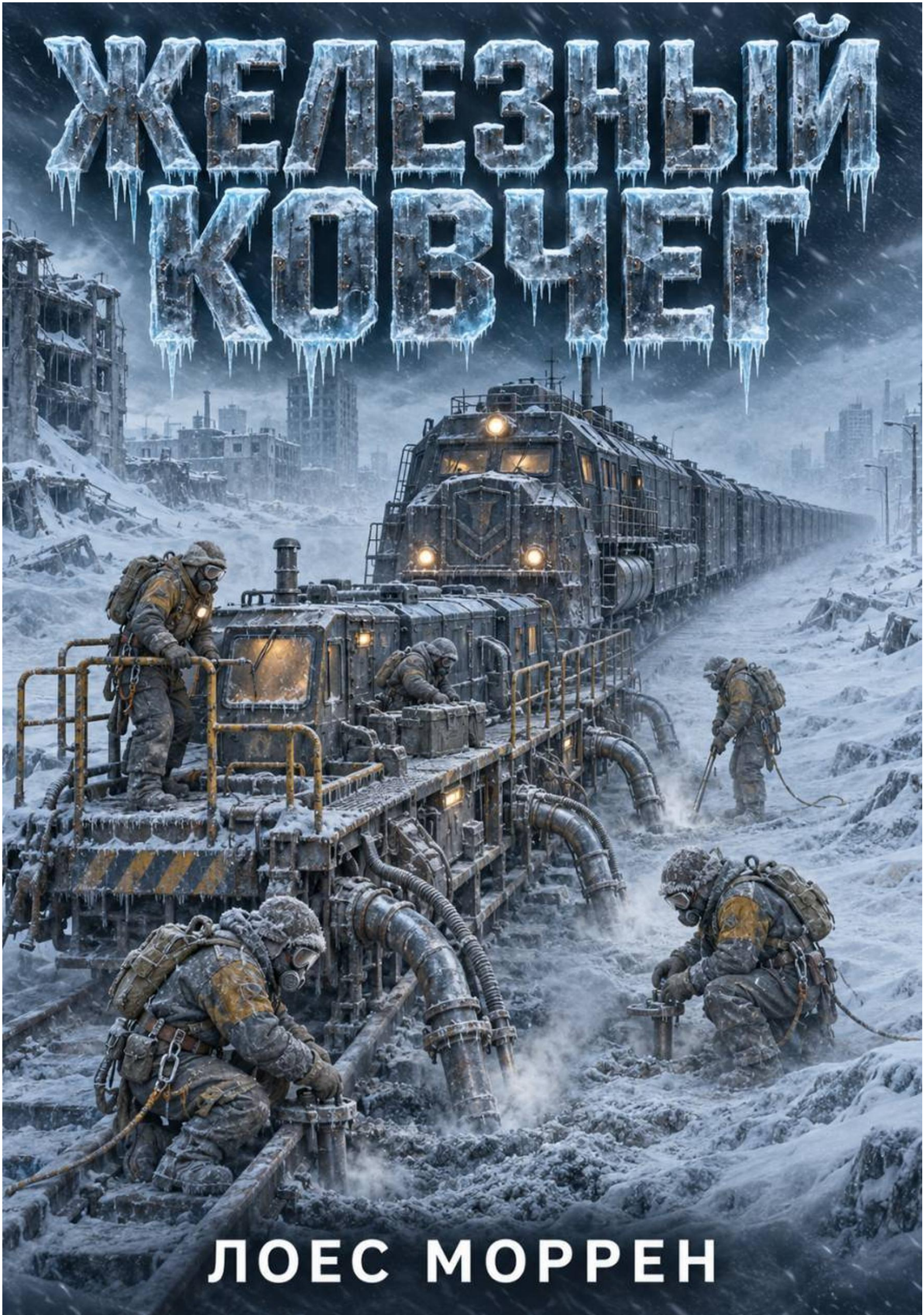
ЖЕЛЕЗНЫЙ КОВЧЕГ



ЛОЕС МОРРЕН

Лоес Моррен

Железный Ковчег

«Автор»
2026

Моррен Л.

Железный Ковчег / Л. Моррен — «Автор», 2026

Великая Зима похоронила города под снегом. По уцелевшим рельсам идёт «Борей» — поезд, чей реактор даёт пассажирам тепло и тянет за собой тринадцать опечатанных вагонов. Зачем греют груз, которого никто не видел, на борту вслух не спрашивают.Когда Джун Мерсер тяжело заболевает, восемнадцатилетний путеец Ноа Рид узнаёт, что Совет приберёг последние три ампулы для тех, без кого поезд не тронется. Пока бригада расчищает путь, Ноа тайком уходит в занесённый Блэкпайн. В подземном госпитале ещё есть лекарство. Там же живут люди, которых «Борей» когда-то оставил на платформе. У них осталось тепла на двое суток.Ноа обещает передать их просьбу о помощи. Совет приказывает ехать дальше. И тогда на рельсах за «Бореем» появляются огни двух дрезин. Люди из Блэкпайна помнят, как однажды перед ними уже подняли сходни. На этот раз они готовы остановить поезд сами.

© Моррен Л., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 11
Глава 3 17
Глава 4 23
Конец ознакомительного фрагмента. 27

Лоес Моррен
Железный Ковчег

Глава 1

Ноа проснулся от того, что Рут тёрла ложкой край его кружки. Она сидела на нижней койке, завернувшись в оба одеяла, и дула на кашу с таким усердием, будто в отсеке и без того было жарко. На её коленях лежала полоска бумаги с восемнадцатью проколами, а из последнего торчала короткая синяя нитка.

— Свечку мне не дали, — сказала Рут. — На кухне сказали, что открытый огонь запрещён. Я спросила, с каких пор, и повар велел мне спросить ещё раз примерно через сто лет.

Ноа перевернулся на бок, стараясь не задеть ботинками низкий потолок. Бумага оказалась оборотной стороной старой ведомости, и от каждого прокола по ней разбежались надорванные волокна. Последнюю дырку Рут сделала такой большой, что в неё можно было продеть шнурок от ботинка.

— Задувай, пока Мара не уснула, — велела она ему. — Она встала за твоей кашей на один гудок раньше, потому что потом от плиты вода будет капать прямо в котёл. И ещё она сказала, чтобы ты загадал что-нибудь про себя, а то ты опять загадаешь, чтобы у меня выросли зубы.

Мара сидела у стены и штопала пятку рабочего носка. Вместо грибка для штопки она вставила внутрь пустую металлическую кружку. С каждым толчком состава игла чуть подрагивала у неё в пальцах, и Ноа заметил, что мать уже дважды продела нитку в одну и ту же дырку.

Он спустился с койки, взял ложку и провёл черту посередине каши. Половину переложил в миску матери, прежде чем та успела отложить носок. Мара посмотрела на порцию, потом на него и одним движением соскребла кашу обратно.

— Я ела у раздачи, там всегда остаётся на дне, — сказала она. — Доктор заставит тебя приседать, пока у неё вопросы не кончатся, а вопросы у Мэгги Коул кончаются редко. Если у тебя потемнеет в глазах, я ей потом неделю буду объяснять, зачем встала ни свет ни заря и принесла еду, которую ты не съел.

Ноа поднёс ложку ко рту и почувствовал, что каша пахнет жестяной крышкой, под которой её несли. В прежней жизни Мара посыпала бы её солью из баночки с жёлтой птицей, а отец вобрал бы в грудь воздух и раздул горячую поверхность за один раз. Баночка осталась в Грейменсоне в том же шкафчике, где Ноа в последний раз видел отцовскую рабочую сумку. На «Борей» они поднялись втроём, и всё, что схватили перед выходом из бункера, уместилось тогда у Ноа под курткой.

За занавеской застучали по трубе. Сосед из пятого снова пришёл выяснять, почему у его койки холоднее, чем в гостевом отсеке. Слово «гостевой» он произносил отчётливо, всякий раз давал его расслышать даже тем, кому по утрам было трудно проснуться. За год, прошедший после бункера, Ноа выяснил, что здешние гости сами скребли полы, разгружали золу и выносили кухонные вёдра, но их койки на каждой большой стоянке считали заново.

Рут вытащила из-под одеяла полотняный мешок. Там лежали её запасные чулки, два карандаша и жестянка с пуговицами, которую она собирала всю прошлую весну. Ноа узнал этот порядок: снизу мягкое, сверху то, за чем можно полезть в темноте, одной рукой.

— Я вчера слышала про пересчёт, — сказала Рут. — Если тебе дадут другую койку, меня можно будет засунуть к стенке, хоть под полку. Я втягивать живот умею, смотри.

Она втянула живот и подняла плечи, из-за чего стала похожа на воробья, застрявшего в трубе. Ноа вынул из мешка жестянку и поставил её на полку, где она обычно стояла. По крышке пробежал отблеск лампы, а за занавеской сосед наконец ушёл к дежурному.

— К вечеру я получу рабочий жетон, и Мара запишет нас на постоянную койку, — сказал Ноа. — Там можешь лежать поперёк, раскидывать ноги и драться во сне, сколько влезет. Только не проси меня подписать жалобу, когда начнёшь сама от себя падать.

Рут бросила в него свёрнутым чулком и принялась разбирать мешок. Пока она выковыривала карандаш из складки, Мара прихватила Ноа за рукав, расправила загнувшийся обшлаг и обрезала торчащую нитку. Он подумал, что она скажет что-нибудь про обещание, которое он только что дал, но мать спросила, взял ли он пропуск.

Ноа похлопал по нагрудному карману и нащупал уголок карточки. Под ней, на шнурке, лежал отцовский эмалированный номерок, куда за ночь набралось тепла от его тела. При втором гудке он доел последние две ложки, задул Рут её синюю нитку и вышел за занавеску, придерживая кружку, чтобы никого не облить.

В очереди перед медотсеком Ноа разыскал Тайлера из соседнего купе. Тот сидел на ящике с чистой ветошью и точил коротким ножом деревянную ложку, испачканную по краям графитом. Каждые несколько движений он высовывал руку из рукава, смотрел на пальцы и снова их прятал.

— Если Харлан спросит, умею ли я работать с деревом, покажу ему, — сказал Тайлер. — У нас с ним был разговор зимой, когда я сколотил подставку для воды. Он сказал, что у меня в голове пусто, зато руки хорошие, а я запомнил ту часть, которая пригодится при найме.

Ноа сел рядом и посмотрел, как нож медленно сходит с закруглённого края. Тайлер умел дать дереву нужную форму и не срезать лишнего, а ещё знал, откуда у каждого вагона берётся скрип. Всё последнее лето он чертил в проходе планы путевой тележки, хотя пускали его покатать её всего однажды и то возле шлюза.

Мэгги Коул вызвала их вместе, велев Тайлеру отвернуться, пока она осматривает Ноа. Тайлер занял табурет у окна, Ноа встал на расшатанную напольную метку. Доктор отобрала у Тайлера ложку, положила её рядом с двумя карточками и выдала Ноа груз, который надо было поднять пять раз.

— Смотри на меня, когда встаёшь, — велела она. — Половица впереди тебя не подхватит, если потеряешь равновесие. И выдохни уже, а то решу, что у тебя и лицо всегда такого цвета.

К пятому подъёму Ноа понял, что Мара могла бы скормить ему и третью порцию. Мэгги заставила его присесть, записала пульс, потом дала мелкие шайбы и велела складывать их в жестяное блюдце попеременно правой и левой рукой. Когда она проверяла дыхание, холодный круг слушалки задел эмаль у него на груди.

— Сними номерок, Ноа, он стучит прямо о трубку, — сказала Мэгги. — Можешь положить рядом с карточкой, здесь никто не возьмёт. Плечи опусти и расправь спину, я тебя до следующего гудка мучить не собираюсь.

Ноа вынул шнурок из-под рубахи и распустил тугой узел. Номерок лежал возле карточки вверх обратной стороной, где сквозь старые царапины виднелись выбитые цифры и знак путевой службы. Отец на ощупь отличал его от всех других железок в кармане, а Ноа до сих пор иногда просыпался, сжимая его в кулаке.

После испытаний Мэгги взяла огрызок красного карандаша и поставила четыре галочки против его имени. Ноа допускали во все четыре цеха, и теперь Ноа мог представить себя в любом из них, хотя с утра думал только о том, в каком будет теплее. Он забрал номерок, сунул его вместе со шнурком в карман и остался у двери подождать Тайлера.

Доктор держала руки Тайлера ладонями вверх. Когда она попросила его согнуть мизинцы, правый согнулся позже левого. Она спросила, давно ли на стуже первыми немеют именно эти пальцы. Тайлер опустил глаза и сказал, что сколько себя помнит, но они хорошо слушаются, если их отогреть.

— Силы у тебя хватит, — ответила Мэгги. — Снаружи отогреваться придётся там, где скажет бригадир, а он может быть в двадцати шагах впереди и понятия не иметь, что ты пере-

стал чувствовать застёжку. Я ещё весной просила тебя заходить, когда побелеют пальцы. Ты пришёл один раз, и то за мазью для соседа.

Ноа надеялся, что Тайлеру оставят хотя бы два цеха на выбор. Мэгги объяснила, что у водяных вечный контакт с ледяной тарой, а в реакторной нужны люди с устойчивой чувствительностью пальцев на всех проверках. Она написала «теплица» в единственной оставшейся строке. Тайлер взял со стола ложку и поднёс к свету, чтобы посмотреть, ровно ли он срезал край.

В проходе толпа подалась вперёд, когда медик поставила их карточки в лоток для Совета. Ноа пропустил следующего претендента в дверь и придержал локтем отогнувшийся край ширмы, пока Тайлер натягивал свитер. Ему хотелось сказать, что за теплицу кто-нибудь из очереди, наверное, отдал бы два своих пайка, но он представил, как прозвучат эти слова, и придержал их.

— Знаешь, что мне теперь всё-таки хочется? — Тайлер спрятал нож и повертел ложку между ладонями. — Чтобы ты вытянул путевых и через неделю сказал мне, что я дурак, раз туда просился. Только чтобы я по твоему лицу поверил.

Ноа пообещал попытаться, и Тайлер на прощание стукнул ложкой по его плечу. С лотка у дежурной съехали карточки, когда вагон качнуло на стыке. Ноа помог подхватить их и вошёл вслед за ней, услышав свою фамилию.

Четверо старших сидели за столом, собранным из двух разных крышек. Между Хелен Мерсер и Фрэнком Уордом от перепада высоты качалась чернильница, и Фрэнк подложил под неё уголок ведомости. Джек Харлан разглядывал грязь под ногтями. Айзек Вейл, главный инженер, проверял карточки у самой лампы.

У двери стоял Грант Холт, командир Хранителей, в куртке такой чистой, что на ней виднелись старые складки от хранения. Стул ему поставили боком к Совету, а перед стулом ничего не лежало, даже карандаша. Ноа знал, что относительно жребия у Холта нет голоса, однако стоило командиру оглянуться, и люди за спиной у Ноа перестали разговаривать.

Пока Хелен зачитывала имена допущенных, Ноа увидел Мару у перегородки. Она пришла прямо с работы и даже не сняла прорезиненный передник, в котором перебирала полотенца в сушильне. Рут держалась за её карман и вытягивала шею, чтобы рассмотреть мешок. Ноа помахал Рут, спрятав дрожащие после испытаний пальцы в кулак.

Хелен высыпала на стол четыре жетона, сверяясь с записью доктора. На гладком было выбито зубчатое колесо, на другом капля, на третьем молодой лист, на последнем длинный путевой костыль с изогнутой шляпкой. Последний Ноа успел разглядеть лучше прочих, потому что Фрэнк прижал им угол ведомости.

— Тут всё просто, если не смотреть на мешок, как на прорубь, — сказала Хелен. — Тянешь один и кладёшь перед собой той стороной, на которой клеймо. Пальцы разожмёшь, когда жетон окажется над столом, а то в прошлом году мы полдня искали водяную каплю под половицами.

Ноа сунул руку в мешок и нащупал у самого горла металлический край. Ниже лежало ещё три жетона, тесно прижатые к ткани, и он понял, почему мальчишка год назад уронил свой. Кулак пришлось вытянуть боком, протащив костяшки по жёсткому шву. Ноа раскрыл пальцы и увидел шляпку костыля прежде, чем жетон звякнул о стол.

За спиной кто-то со вкусом вздохнул. Ноа обернулся и узнал парня с угольной тележки. Однажды тот за обедом увидел свободное место рядом с ним и демонстративно остался стоять.

— Сытого бункерного к путевым, — протянул парень. — Теперь хоть понятно, зачем его кормили целый год. Пусть возит за вами шпалы, по одной под каждой мышкой.

Джек подался вперёд и положил ладонь на жетон, прежде чем шутку успели подхватить. У него была привычка смотреть чуть ниже глаз собеседника, отчего Ноа всякий раз хотелось

поправить ворот. Сейчас бригадир оглядел говорившего с головы до ботинок, словно тот уже подал заявление о переводе.

— Шпалы у нас возят на тележке, Блейк, — сказал он. — Хочешь знать, на что уходит паёк путевого, приходи на развод. Я тебе выдам пустой ранец, за полную смену попробуешь набрать в него столько снега, сколько мы домой приносим на сапогах.

Блейк прыснул, глядя себе под ноги, но больше ничего не прибавил. Джек подвинул жетон к Ноа и объявил, что первая смена для него начнётся завтра утром. До неё предстояло получить снаряжение и явиться на ночной развод. Джек ткнул в строку о постоянной семейной койке, которую Хелен уже заполняла.

Ноа потянулся за пропуском, чтобы приложить его к ведомости. Вместе с карточкой из кармана выпал шнурок, и эмалированный номерок повис у края стола на зацепившемся узле. Холт отодвинул стул, подошёл и придержал номерок снизу, прежде чем он ударился о трубу.

— Грейменсонский, со старой путевой, — проговорил он. — Твой отец носил его на таком же шнурке. Скажи, Мара, он успел отдать его вам сам?

Ноа ответил бы за неё, но мать уже стояла рядом. Она забрала номерок у Холта быстрее, чем только что поставила подпись под назначением, и передала его Ноа, крепко зажав его пальцы снаружи своей ладонью. При слове «путевые» у неё даже передник не дрогнул. Теперь край волочился по полу.

— Он оставил номерок дома, Грант, — сказала Мара. — Ноа нашёл его там, где всегда лежали его вещи. Если тебе понадобилось узнать что-то ещё, сначала спроси у меня.

Холт кивнул и вернулся к своему стулу. Ноа хотел было задержаться, но Мара забрала копию ведомости и потянула его к выходу, пока Хелен звала следующего по списку. В коридоре Рут попросила подержать путевой костыль, и Ноа раскрыл ладонь только после того, как нашёл глазами мать. Та уже шла к сушильне, держа бумагу о постоянной койке обеими руками, чтобы не измять её.

После выдачи снаряжения Ноа пошёл на кухню за водой на вечер. Ранец выдали с чужими метками на ремнях, и при ходьбе левый угол бил его под лопатку. В пустой фляге каталась отвинченная крышка, которую он по рассеянности сунул внутрь, когда заглядывал в сушильню за семейной карточкой.

У поворота к кухне кто-то подставил ему под ноги широкую канистру. Ноа успел поставить ботинок боком, но ранец дёрнул его вперёд, и он упёрся рукой в перегородку. Девушка в стёганой рабочей куртке взяла его за горлышко фляги, прежде чем он выпрямился.

— Кухня вон там, если тебе за водой, — сказала она. — А канистры с белой чертой стоят здесь для моих водяных. Если ты опять перелил из одной во флягу, налей обратно при мне, я сегодня за них расписываюсь.

— Могу налить то, что у меня есть, только подставь ладонь, — ответил Ноа. Он перевернул флягу, потряс её и поймал выпавшую крышку. Девушка взглянула на крышку, потом отодвинула свою канистру с прохода и убрала руку с его фляги.

— Ладно, это был кто-то другой, — сказала она. — В прошлый раз попался мужик с флягой точь-в-точь как твоя. Он её ещё в карман спрятал и клянётся, что у него под курткой ничего, а у самого с локтя капает.

Над обшлагом девушки Ноа прочитал выцветшее «Р. Мерсер». Из кармана у неё выглядывал стебелёк с двумя узкими листьями. Он узнал её вблизи: Хелен посылала её в сушильню договариваться об утреннем паре для теплицы.

— Я Ноа Рид, если будешь записывать и людей с флягами, — сказал он. Девушка ответила, что её зовут Джун, и приподняла рукой его ранец за нижний край. Ноа почувствовал, что может поднять левое плечо до уха, и только тогда понял, как сильно ремень тянул его вниз.

— Тебе его на какой рост выдали? — Джун повернула застёжку, вытянула короткий хвост ремня и попросила Ноа опустить руку. — Если завтра зацепишься вот этим углом за дверь, то

дверь тебя переживёт. Я в таком ранце таскала воду, когда у нас сломалась тележка, и целую неделю просила, чтобы мне отрезали лишний ремень.

Ноа приподнял ранец, чтобы ей было удобнее вытянуть пряжку. Джун щёлкнула пальцем по язычку, сделала ещё одну петлю и велела ему пройти до конца перегородки. На этот раз ранец двигался вместе с ним, и Ноа впервые с выдачи смог забыть про его вес.

— Лишний ремень так и не отрезали? — спросил он. Джун показала на короткую лямку у себя на плече. На дальнем конце она привязала к ремню небольшой складной крючок.

— Мне дали крючок и велели самой решить, сколько лишнего я могу унести, — сказала она. — Ты завтра пройдёшь мимо пункта сбора, там у дверей пустые канистры. Если после смены сможешь довезти их обратно до теплицы, у нас с тобой будет честный обмен.

Ноа сказал, что утром у него первый выход, а по возвращении он ещё с трудом представляет себя человеком, которому можно доверить тележку. Джун велела ему сперва найти подходящий груз, на что он спросил, чем пустая канистра может оказаться неподъёмной. Она засмеялась и нагнулась к своей канистре. На мгновение её пальцы застыли на ручке, хотя поднять её она вроде бы собиралась обеими руками.

Под полом загрохотали сцепки. Джун прижала локоть ко рту и за три толчка успела дважды кашлянуть, резко и с усилием, от которого у неё натянулась ткань между лопатками. Повар у окошка придержал звенящие кружки. Когда проход стих, Джун уже стояла прямо и рассказывала, как отличить тепличные канистры от водяных по насечке у ручки.

Ноа взялся за вторую ручку, прежде чем она дошла до конца объяснения. Они донесли канистру до дверей сдачи, где дежурный принял у Джун ведомость и поставил против её строки такую жирную отметку, что бумага промокла насквозь. Она отпустила ручку, оглянулась на Ноа и приложила палец к губам, показывая на дежурного, который как раз полез за второй ведомостью. Ноа понял, что ему предлагают уйти, пока никто не придумал разнести по вагонам ещё и полные канистры.

На кухне Ноа наполнил флягу, а до ночного развода успел отнести в новый отсек семейную карточку. Рут уже уложила свои чулки в нишу у стены и проверяла, сколько жестянок поместится рядом, если поставить их на ребро. Мара сидела на нижней койке и разглаживала ведомость по колену, загибая и снова расправляя один и тот же угол. Ноа присел возле неё, чтобы перешнуровать ботинки, и спросил, давно ли она знает Холта.

— С тех пор как нас приняли на поезд, — ответила Мара. — Он тогда стоял у входа и каждого спрашивал, что осталось там, внизу. Я сказала, что наша плитка ещё тёплая, и только потом поняла, что он спрашивал про людей.

Ноа затянул шнурок, потом распустил петлю и сделал её заново. Холт говорил об отце так, будто видел его утром у себя в проходе, и Ноа хотел прямо об этом спросить. Мара сложила ведомость и убрала её в жестянку с пуговицами. Поезд дал гудок, и Ноа сунул флягу за пояс.

Джек ждал новичков в путевом вагоне у карты, натянутой между полкой и трубой. Там стояли ещё двое из утренней смены, и каждый из них держал кружку за самое дно, чтобы погреть пальцы. Стол у карты был стёрт тонкой полосой, словно по нему годами водили линейкой, прижимая её изо всех сил.

— Вот здесь нас последний раз обошли пешком от знака до знака, — сказал Джек и постучал карандашом по овалу на карте. — Год осмотра у тебя над большим пальцем, Рид. Почитай вслух, у двери опять ничего не видать.

Ноа прочёл год и пересчитал про себя, сколько оставалось до его рождения. Двое у двери переглянулись, и один потянулся помешать в кружке деревянной палочкой, хотя в ней, судя по запаху, была одна горячая вода. Вблизи Ноа увидел, что по краям старой схемы кто-то вписал названия исчезнувших остановок, и стал искать Грейменсон там, где по памяти должна была стоять развилка у шахты.

— Ты ноготь правее поставь, — сказал Джек, заметив, куда он смотрит. — Грейменсонскую ветку здесь отвели в сторону, чтобы не мять бумагу у края. Если пойдём дальше, утром ты будешь вот тут, а родной город у тебя останется примерно за спиной, даже если повернёшься и попробуешь его увидеть.

Ноа поднёс палец к тёмной черте, где соединялись две линии. На карте у Грейменсона стоял зелёный квадрат, обозначавший станцию с людьми. За год ни у кого рука не дошла его зачеркнуть, и Ноа подумал, что Рут, пожалуй, захотела бы вырезать квадрат из карты и хранить рядом с пуговицами.

Из динамика у двери донёсся треск, и на середине слова голос оборвался. Джек положил карандаш на карту, поймал его, когда вагон качнулся, и попросил говорившего повторить с начала. Из головного вагона повторили, что полотно просело и дальше по ходу теряется блеск обеих ниток рельсов. Последние слова доклада заглушил визг тормозов.

Торможение дошло до путевого вагона длинным толчком, от которого покатились под стол обе кружки. Ноа упёрся ладонью в стенку, почувствовал под досками мелкую дрожь и вдруг заметил, как тихо стало, когда она стихла. В смотровой щели на уровне его виска белела равнина. Ещё секунду назад по стеклу бежали тени, а теперь за ним остался один снежный гребень, с которого ветер сдувал позёмку.

— Обычный подъём через четыре часа, — сказал Джек в переговорную трубку. — Разбудите сейчас путевых из первой смены и скажите водяным, что будем ждать решения по осмотру. Пусть каждый проверит свои варежки до шлюза. Вчера половину смены ждали Картера, пока он искал вторую.

С верхней полки Джек достал бухту страховочного троса и положил её Ноа на руки. Трос был тёплым с одного бока, где лежал у трубы, и холодным с другого, а на карабине кто-то давно процарапал две буквы. Ноа попытался перехватить бухту одной рукой и вспомнил, как Рут сегодня утрамбовывала чулки к стенке, чтобы осталось место ещё для кого-нибудь.

— Вот этот конец держишь ты, — сказал Джек, поднимая карабин. — Второй будет у человека, с которым выйдешь. На линии каждый держит кого-то ещё, и если тебе покажется, что твой конец дёрнули зря, сперва откликнись, а потом уж выясняй.

В соседнем отсеке уже хлопали дверцы шкафов, и кто-то спросонья громко искал второй сапог. Ноа подтянул ранец за лямку, как показала Джун, прижал трос локтем и встал справа от Джека, чтобы освободить проход. За чёрным стеклом шлюза горела цепочка огней, освещавших путь до первой вешки. Дальше им предстояло светить себе самим.

Глава 2

Пока Джек ждал ответа от водяных, Ноа успел дважды переложить бухту троса с руки на руку. Карабин стукнул о пряжку, и женщина, сидевшая на скамье у шлюза, протянула ладонь. Ноа подал ей карабин, а она перевернула его так, чтобы под лампой стали видны две процарапанные буквы.

— Это мои, Элли Грин, — сказала она. — Лямку ранца подними ещё на палец, иначе трос будет лезть под неё каждый раз, когда я повернусь. Джек, ты его хоть предупредил, с какой стороны ко мне подходить?

Джек носком сапога придвинул к Ноа ящик со сменным обмундированием и попросил Элли объяснить самой. Пока Ноа расстёгивал свой ранец, она показала на левое ухо под краем шерстяной шапки. Потом коснулась правого, подождала, пока Ноа повторит её жест, и только тогда продолжила наматывать трос.

— Слева у меня ещё с первой зимы что-то слышно, но за воротом я и слов не разберу, — сказала она. — Идёшь справа, держишь меня в поле зрения и следишь за рукой. Я тебя в напарники беру, Рид, у меня для поклажи есть тележка.

Из ящика Ноа вытащил тяжёлую куртку, в которой можно было стоять даже без человека внутри. К ней полагались штаны с накладками на коленях, две пары рукавиц и маска, стёкла которой всё ещё пахли мылом. Под воротом Элли нашла отогнувшуюся полоску сукна и завернула её внутрь, чтобы не тёрла Ноа шею. Когда он натянул последнюю рукавицу, ему показалось, что теперь придётся очень постараться, чтобы мороз добрался до него сквозь столько слоёв.

— А вы как узнаёте, что пора назад? — спросил он и постучал кулаком по рукаву. — Тут и пальцев-то почти не чувствуешь, пока всё это наденешь. Я бы решил, что отогрелся, и пошёл дальше.

Элли вытянула правую руку и попросила его сделать то же самое. У себя она без труда согнула большой палец, а Ноа понадобилось дважды согнуть остальные, чтобы добиться того же. Элли дождалась, пока он сам поправит сползшую внутреннюю рукавицу, потом показала на круглый таймер у Джека на груди.

— По времени и по человеку рядом, — сказала она. — Если перестал что-то замечать, случайно начинаешь считать, что этого и нет. Сколько пальцев я показывала, когда ты ковырялся в варежке?

Ноа сказал, что видел только её правое плечо. Элли кивнула, застегнула на нём ремень и встала, оставив ему достаточно троса, чтобы идти, не наступая на петлю. Джек дождался, пока Картер заменит треснувшую маску, и только после этого открыл внутреннюю дверь шлюза. На стене за ней висела карточка с белой полосой, и дежурный приготовился отмечать время выхода.

За внутренней дверью у Ноа отняли ранец и вытряхнули на скамью всё, что он успел в него положить. Флягу Джек вернул ему под куртку, а свёрток с сухими носками передвинул на дно ранца, туда, где его можно было достать сквозь боковой клапан. Ноа спросил, не лучше ли положить туда фонарь, и Джек велел попытаться найти его, не глядя. Пока Ноа шарил по боковому карману, Элли сняла фонарь с внешней петли его ремня и вложила ему в ладонь.

Внешняя дверь приоткрылась на ширину ладони, и по полу прошелестел снег. Ноа ожидал, что холод сперва проберётся под одежду, а он сразу ударил в глаза: стёкла запотели и взялись по краям мутной каймой. Ноа моргнул, хрипло вдохнул через маску и обнаружил, что Элли уже стоит на нижней ступеньке, протянув ему правую руку.

С земли «Борей» оказался выше, чем Ноа видел его из бункера год назад. Тогда за светлым прямоугольником двери он разглядел только чьи-то сапоги и щель, которую пришлось

перешагнуть, держа Рут за пояс. Теперь он видел и головной вагон с низко опущенными прожекторами, и жилые окна, и тринадцать чёрных вагонов, уходивших за ними вдоль насыпи. Пока Ноа считал, ветер слизнул следы сапог у ступеньки, оставив только неглубокие ямки под самыми дверями.

За первой вешкой Элли подняла руку. Ноа остановился чуть позже неё и ощутил, как трос слабо потянул его за пояс. В наушнике проговорил Джек, из головного вагона ответили, и вдоль насыпи ударил пар, белый даже на снегу. Элли повернула голову к Ноа, выжидая, пока он сам увидит, где кончаются рельсы.

Когда пар отнесло от пути, в лучах проступили шпалы. Ближние лежали ровно, а дальше тёмные торцы один за другим проваливались в снег, пока след от них совсем не исчезал. На дальнем краю выемки один рельс вновь поднимался, и в этом месте он казался таким тонким, что Ноа мог закрыть его пальцем.

Джек прошёл вдоль трещины до места, где кончалась расчищенная полоса, и велел Картеру переставить фонарь. По повторному замеру выходило, что восстанавливать пришлось бы целый отрезок, почти на весь отпущенный лимит смены. Ноа услышал в наушнике, как Джек назвал Фрэнку длину участка, а после паузы прибавил, что снегом его занесло гораздо сильнее, чем было видно с поезда.

Сбоку от насыпи, там, куда не доставал свет прожектора, торчала наклонная палка. Ноа сперва принял её за обломок ограды, но, когда Картер поднял фонарь, на верхушке мелькнули две короткие планки. На старой карте рядом с Грейменсоном такой отметки не было. Отец рисовал её на дверце шкафа, объясняя, почему пустые вагоны из шахты однажды вернулись к станции с другой стороны.

— Элли, глянь правее, там вешка со скобой, — сказал Ноа, подойдя к её правому плечу. — У нас грузовую ветку такими отмечали, у неё должен быть выход обратно на главный путь. Если это она, можно хотя бы посмотреть, целы ли рельсы за насыпью.

Элли прикрыла фонарь ладонью, чтобы через подсвеченный снег увидеть верхушку. Потом подозвала Джека и показала ему вешку, а Ноа объяснил, как две ветки должны сходиться за старым отвалом. Бригадир позволил им пройти до отметки, откуда та была видна целиком, и велел вернуться, если под насыпью окажется вода или натечный лёд. Они пошли вдвоём, и Ноа так пристально следил за концом вешки, что в какой-то момент перестал замечать её основание.

На самом краю насыпи Элли остановилась и выставила ладонь. Прямо перед Ноа, немного ниже её сапога, из снега выходила тёмная головка рельса. Ему оставалось сделать шаг, чтобы увидеть, идёт ли дальше вторая, и он переступил через край, думая, что успеет поставить ногу раньше, чем Элли опустит руку.

Снег под сапогом осел без хруста. Ноа провалился по пояс, и у него дёрнулись вверх плечи, когда ремень поймал весь вес. Внизу сапог упёрся во что-то гладкое, а левая рука ушла под снег почти до локтя. Он дёрнулся, пытаясь найти твёрдую опору, и услышал, как Элли выругалась у него над головой.

— Перестань ногами месить, я тебя чувствую через весь трос, — сказала она. — Смотри сюда, где моя рука, и тянись правой. Всё, что нашёл под снегом, можешь потом мне подробно описать из вагона.

Она лежала поперёк старой шпалы и держала трос у самой пряжки. Ноа поймал её за запястье, перенёс вес на правый локоть и почувствовал, как край под грудью уступает ещё на несколько пальцев. Элли резко подтянула его к себе, когда сапог наконец вышел из провала. Снег, набившийся за левую манжету, растаял прежде, чем Ноа сумел усесться на шпалу.

— Я видел рельс, он там действительно есть, — выговорил он. — Хотел убедиться, что второй тоже на месте. Я думал, там один шаг.

— Вот один шаг у тебя и был, — сказала Элли. — Я подняла руку, потому что под нами пусто, и всё равно полезла за тобой. Если хотел убедиться, мог сперва убедиться, что я тебя услышала.

Картер принёс фонарь и направил его вдоль низины с безопасного края. По обе стороны занесённой канавы показались две параллельные полосы, и за отвалом в том же направлении снова блеснул металл. Ноа смотрел, как Джек замеряет расстояние до первой стрелки, и прижимал левую руку к животу, пока пальцы не начали ныть.

Позже, когда они вернулись к головному вагону, Джек открыл стоявший у двери журнал. Ноа видел страницу из-за его плеча: в одной графе Харлан записал, что Рид обнаружил грузовую ветку, в другой — что он вышел за пределы связки и был извлечён Элли Грин. Потом бригадир прижал карандаш корешком и попросил Ноа остаться рядом на разговор с водяными. Теперь следовало объяснить, сколько работы они выиграют, если пойдут по ветке, которую он только что чуть не проверил собственным весом.

Фрэнк Уорд пришёл к головному вагону в резиновом переднике поверх куртки. В шлюз он принёс мокрую дощечку с расписанием, на которой края записей расплылись, а середину до сих пор можно было прочесть. Ноа подвинулся на скамье, чтобы мастер сел, но Фрэнк остался на ногах и попросил Джека показать, за что именно тот собирается платить паром.

Джек положил рядом с дощечкой схему. На ней он успел начертить путь от основного полотна до обеих стрелок и обвёл место, где следовало расчистить первую. Фрэнк выслушал его, повернул схему к себе и накрыл пальцем отметку дальней стрелки.

— Про первую я понял, её вы щупали, — сказал он. — А через вторую мы возвращаемся на путь или выясняем на месте, что нам ещё полдня греться? Мне надо знать это прежде, чем я попрошу у спальных вагонов закрыть обогрев.

Джек кивнул Элли, и она придвинула к свету дощечку с отметками осмотра. Вторую стрелку успели проверить Картер с напарником, пока она отводила Ноа обратно к поезду. Услышав это, Ноа представил их на краю отвала и только теперь понял, что его вылазка уже изменила работу людей, которых он едва успел узнать по именам.

— Если бы мы возвращались на главную там, где Рид провалился, я бы тебе схему даже не показывал, — сказал Джек. — Ветка у канавы лежит на старой грузовой насыпи, на ней две стрелки и несколько заснеженных стыков. Времени на это уйдёт меньше, чем на один подход к просадке.

Фрэнк попросил назвать время, которое они смогут выдержать, если ветер опять переменится. Джек дал срок, до которого путевые закончат осмотр и расчистку, после чего Фрэнк перечеркнул кусок строки у себя на дощечке. В расписании на эту часть утра значились жилые отсеки, в том числе тот, куда вчера переехала семья Ноа.

— Теплицу я оставлю на её нижнем пределе, — сказал Фрэнк. — Спальные потерпят, если люди уйдут на кухню и закроют двери. Только прежде чем дать сигнал на работу, дайте мне пять минут разбудить тех, у кого койка у наружной стены.

Ноа хотел спросить, почему нельзя снять тепло с пустых мест, но знал, что даже на их старой полке кто-то уже мог спать. В бункере можно было придвинуть к плите стул и греть ноги, пока остальные ходили вокруг; здесь тепло в стене исчезало по чужой отметке на мокрой дощечке. Он попросил разрешения сбегать в жилой, чтобы успеть предупредить Мару. Джек велел ему передать предупреждение через дежурного и оставаться поблизости, пока Элли не вернётся с расчистки.

С его рукава на пол капала вода. Джек сунул ему в правую руку сухую ветошь, и Ноа занялся пряжкой на левом запястье, пока у двери сменялись люди. Элли забрала у него пустую бухту, закрепила её на своей тележке и велела держать свободным порог. Когда пар подали к передним соплам, он почувствовал это через пол, ещё прежде чем белая полоса накрыла стекло.

У внутренней двери шлюза показалась Рут. Мара стояла чуть дальше по проходу, придерживая дверь плечом, пока из жилого выводили тех, кто ещё не оделся. Рут несла к кухонному окну кружку обеими руками, хотя та была пустой на вид. На донышке лежал белый кружок льда, и, когда Рут наклонила кружку, он отделился от стенки с сухим стуком.

— Я поставила её у стены, где у меня жестянка, — сказала Рут. — Когда дежурный пришёл, там уже было холодно, и Мара велела забрать жестянку, потому что крышка примерзает. Ты сможешь подвинуть койку, когда опять придёшь?

Ноа присел рядом и заглянул в кружку. Лёд успел схватиться только там, где вода касалась металла, и под краем ещё блестело жидкое. Вчера он обещал сестре, что на новой койке можно будет спать поперёк; теперь ему хотелось спросить, зачем она сунулась в этот конец поезда вместо того, чтобы греться на кухне. Рут ждала ответа, и он сказал, что вечером они вместе отодвинут койку от стены, если хватит места.

Пока она уходила к Маре, Ноа снова посмотрел на перечёркнутую строку. У Фрэнка там помещалось несколько минут, а у Рут за те же минуты успела замёрзнуть вода в кружке. Из-за дверного стекла донеслось два условных удара: передовая бригада вернулась. Ноа поднялся, чтобы встретить Элли, и на этот раз встал справа ещё до того, как она переступила порог.

Первым через дверь шагнул Картер, толкая перед собой тележку. За ним Элли внесла мокрый трос, и Ноа принял бухту у неё с правой стороны, успев подставить руки до того, как она её выпустила. Элли посмотрела на него сквозь мутное стекло маски и указала на крюк над сливом, где с троса могла свободно стекать вода.

Пока путевые снимали верхнюю одежду, из медотсека принесли корзину с серыми конвертами и флаконами синеватой пайки. Ноа уже видел такие флаконы у вернувшихся с пути, но до сих пор ему казалось, что внутри одна и та же жидкость, просто стекло у каждого разного цвета. Теперь он видел, как у горлышка всплывают светлые хлопья, а внизу остаётся тёмный осадок. На ярлыке его флакона стоял номер утренней смены, проставленный карандашом чуть раньше, чем она на самом деле началась.

— Это тебе, за первый выход, — сказал Картер, пододвинув флакон к Ноа. — Я за свой думал получить что-нибудь погуще каши. Поглядел на цвет, расстроился, а потом попробовал и понял, что у каши хотя бы не было вкуса сушильного шкафа.

Ноа пронёс флакон к скамье, с трудом удерживая его левой рукой, и с первого раза не справился с тугой крышкой. Элли подвинула к нему пустую кружку, чтобы поставить флакон внутрь и удерживать коленями. Он попробовал пайку и подумал, что Картер никогда не лизал сушильный шкаф, зато флягу после долгого хранения мог узнать вслепую.

На возвращённой тележке среди инструментов лежала мокрая варежка. Ноа узнал растянутую петлю на манжете: варежка была его, должно быть, она соскользнула с ремня в канаве и даже не заметил, когда Элли вытащила его наверх. Картер, увидев, куда он смотрит, сказал, что Элли нашла её, пока они расчищали подход к ветке. Ноа протянул было руку, чтобы забрать её, но с подкладки потекло, и он подставил под неё пустой таз.

Элли вдруг перестала бороться с воротом и наклонила голову, чтобы просунуть два пальца под сукно. От уха к шее у неё тянулся старый рубец, синеватый посередине и гладкий по краям. Ноа раньше видел только его верхушку, которую принимал за тень от шапки. Теперь он поймал себя на том, что провёл собственным пальцем по тому месту на шее, где кончался ворот.

— У вас от холода так осталось? — спросил он. — Цвет как у пальцев, когда никак не согреешь. Он потом проходит, если отлежаться?

Элли потянула ворот вниз, чтобы ткань перестала задевать рубец. Она сказала, что получила его в первую зиму, тогда же, когда пострадало ухо. Ноа ждал продолжения, но она взяла у него флакон и увидела, что пальцы так и остались согнуты вокруг исчезнувшего стекла.

— Покажешь Мэгги левую руку, — сказала Элли. — Когда я тянула тебя наверх, ты один раз её вытащил и снова убрал в снег, пока лез за моей. Можешь мне сейчас рассказать, как она у тебя отлично работает, только сначала расстегни вот это.

Она положила перед ним запасную рукавицу, которую он снял перед тем, как открыть флакон. Ноа попробовал отстегнуть ремешок левой и сразу возненавидел маленькую застёжку, которая выскальзывала из пальцев, едва он брался за край. Через две попытки он положил рукавицу между ними и сказал, что покажет руку.

У медотсека Ноа сел на Тайлера ящик, оставленный вчера у двери. Из-за ширмы Мэгги велела тем, кто пришёл с пути, по одному называть имена и время возвращения, чтобы потом сверить их с отметками смены. Ноа назвал своё и попытался вспомнить, как долго они стояли у провала. В памяти отчётливо остались ладонь Элли и тёмная полоса рельса, а всё, что произошло между ними, занимало то целую минуту, то миг.

Когда под ящиком чуть шевельнулся пол, Ноа решил, что сосед встал слишком резко. Потом задребезжала металлическая ложка в кружке на полке, и вместе с ней сдвинулась вся тяжесть вагона. Под ногами пошёл ровный стук колёс, поначалу редкий, с длинными паузами, потом всё более знакомый. «Борей» медленно шёл по грузовой ветке, а из медотсека Мэгги уже звала Ноа и просила оставить мокрые вещи за дверью.

Мэгги осмотрела пальцы, перевязала ссадину на запястье и позволила Ноа забрать ранец. К этому времени поезд уже вернулся на главную линию, и от длинной остановки осталось объявление, что спальные отсеки начинают отогревать. Ноа хотел сначала дойти до Рут, но у пункта сбора увидел знакомую насечку на ручках двух пустых канистр и вспомнил вчерашнюю просьбу Джун.

Одну канистру кто-то успел уронить: верхний угол вдавило внутрь, а ручка стояла наискось. Ноа поставил обе на низкую тележку и повёз её за собой, придерживая тележку правой рукой, чтобы не тревожить левую. В проходах после ночной остановки было тесно, и всякий раз, когда он прижимался к стене, направляя тележку мимо людей, вмятина на канистре ловила полоску света.

У теплицы пахло влажной землёй, хотя дверь была прикрыта и под ней лежал свёрнутый жгут. Ноа сбавил ход возле щели: запах напомнил ему чёрный комок, который отец однажды принёс с отвала в кармане и оставил на крышке плиты оттаивать. К вечеру в комке нашлась проволока, кусочек стекла и белая ниточка корня, и Ноа полил его из своей кружки, надеясь дождаться, когда он снова станет растением.

Ноа придержал дверь носком сапога и заглянул внутрь. Джун стояла на низкой ступеньке и собирала тряпкой капли с внутреннего края обшивки. На звук тележки она обернулась, спустилась и попробовала перекошенную ручку, прежде чем осмотреть остальное.

— Ты её раскопал или просто привёз? — спросила Джун. — Если она от нас такой ушла, я делаю вид, что впервые вижу эту вмятину. А если по дороге смял, мне будет любопытно узнать, где вы держите столько железа, что оно способно помять железо.

— Она уже была такая, а меня сегодня Элли из канавы вытащила, — сказал Ноа. — Под снегом оказалась старая ветка, я увидел рельс и пошёл проверить, хотя она рукой показывала стоять. С веткой я угадал, а Элли пришлось лечь на самую кромку, чтобы меня достать.

Джун обошла тележку, наклонилась к канистре и повернула её целым боком к проходу. Ноа видел, что она смотрит на его забинтованное запястье, хотя ничего про него не спросила. Она поставила тележку поперёк порога, чтобы та не покатилась от толчка состава, и подтянула к себе деревянный табурет.

— Ты ей уже сказал, что видел её руку? — спросила она. — А то мне бы на её месте хотелось знать, запомнил ты, что рука была, или запомнил одну канаву. Канаву, понятно, забыть труднее.

Ноа вспомнил, что, сидя на шпале, говорил Элли только про рельс. Он ответил Джун, что завтра перед сменой найдёт время ей сказать, а потом, поймав взгляд девушки, добавил, что может сделать это и сегодня. Джун подвинула ему табурет и перевернула лежавший на ящике журнал так, чтобы он мог разглядеть строки при свете из оранжереи.

В каждой строке стояли время, количество воды и фамилия человека, сдававшего её водяным. Ноа увидел имя Джун и рядом целый ночной сбор, который она, судя по ведомости, в одиночку успевала снять со стен, перелить и отвезти. Джун показала ногтем пустое место на полях и сказала, что они каждый раз делают это вдвоём. Если записать вторую фамилию в графу сдающего, водяные решат, что привезли две партии, и утром придут искать лишнюю.

— Завтра у стены буду я, а возить до подъёма некому, — сказала Джун. — Если заглянешь до завтрака, я успею снять воду за дальними ящиками, пока ты вынесешь первое. Для работы я тебе дам сухую тряпку, и даже Мэгги будет не к чему придраться.

Ноа уточнил, в какой час можно прийти, и уже хотел встать, когда Джун заметила, что заслонка над полкой опять сошла с направляющей. Она прижала её ладонью и попросила Ноа убрать с края толстую тетрадь, пока та не упала в желоб. Ноа взял тетрадь правой рукой, но обложка раскрылась под её весом, и он увидел таблицу распределения тепла.

Обозначения были те же, что Фрэнк ставил на своей дощечке. В средней строке за нынешнее утро жилые вагоны были перечёркнуты знакомым косым штрихом, а ниже ровно тянулись цифры расхода на хвост.

Ноа подождал, пока Джун поставит заслонку, и отдал ей тетрадь, всё ещё раскрытую на этой странице. Он пересчитал про себя тринадцать чёрных вагонов, которые видел с насыпи, и вспомнил, как звонко оторвался лёд от Рутиной кружки.

Глава 3

До первого гудка в теплице горела одна лампа. Ноа постучал туда, где вчера нашёл дверь, и отступил, когда дверь приоткрылась и из темноты у его колен вынырнула курица. Следом появилась Джун с промокшей тряпкой в руке и загнала птицу обратно коротким движением сапога.

— Ты рано, даже она ещё не завтракала, — сказала Джун. — Только не подбирай её, если опять выбежит. Один раз я так и сделала, и потом весь жилой вагон решил, что у нас на кухне наконец режут птицу.

Ноа придержал дверь, пока Джун заталкивала свёрнутый жгут под нижний край. Он принёс с собой перчатки из путевого вагона, потому что повязка на запястье за ночь успела разлохматиться и цеплялась за всё подряд. В тепле рука сразу зачесалась, а на сукне проступили крошечные тёмные точки. Ноа убрал перчатки в карман и взял сухую тряпку, которую Джун оставила для него на ручке тележки.

— Я вчера нашёл Элли, — сказал он, проталкивая тележку между ящиками. — Она услышала меня только со второго раза. Сказала, что если ещё раз подойду слева, придётся снова идти и падать в канаву, чтобы у неё была причина обернуться.

Джун наклонилась над канистрой и проверила, плотно ли села крышка. У второй, помятой, край вмятины теперь был обведён мелом, чтобы на сдаче не приняли старый повреждённый угол за новый. Ноа закрепил обе на тележке и вывез в тамбур, пока Джун снимала воду со стен у дальних ящиков.

Когда он вернулся, она стояла на коленях перед нижней полкой и пыталась подхватить неглубокий ящик с двух концов. У Ноа в бункере в таких ящиках держали вещи, которые жалко выбрасывать и никак нельзя починить. Здесь над мокрой землёй поднималось с десяток бледных стеблей, каждый расправил по два листка. Джун попросила взять ящик снизу и подержать на весу ровно, как миску с супом.

Ноа подхватил его здоровой рукой и прижал боком к груди. На стене за ящиком осталась тёмная полоса сырости, а из неё через весь шов тянулась белая нитка. Джун провела по белому краю ногтем, и на пол упали слипшиеся крупинки инея. Ноа посмотрел на ближайший к стене росток и увидел, что один лист у него загнулся к земле и потемнел у самого кончика.

— Вчера я сняла отсюда воду, и она тут же выступила снова, — сказала Джун. — Если прихватит ещё на ширину ладони, придётся снимать весь нижний ряд. Тебе повезло, что ты взял этот ящик первым, остальные полные до краёв.

Ноа переставил ящик ближе к середине прохода и приложил сухую тряпку к шву. Изнутри стена казалась такой тонкой, что он мог угадать, в какой момент в неё снаружи ударяла позёмка. В бункере Мара затыкала щели в двери кусками войлока, а если войлока не хватало, шли в дело старые рубахи. Ноа предложил прижать к шву полоску сукна со своей куртки и закрыть сверху чем-нибудь сухим, пока ветер не переменится.

— Мокрое сукно там и останется, потом вместе со стеной будешь снимать, — отозвалась Джун. — Подержи ещё немного, я позову Хелен. Она меня за этот ящик выгонит спать в проход, если увидит, что я передвинула его и ничего не отметила.

Хелен Мерсер явилась с термометром, обёрнутым платком. Испачканным в земле пальцем она провела над швом, потом велела Ноа поставить ящик на верхнюю полку, где оставался свободный угол. Через минуту они обнаружили, что из-за поднятого ящика вода с верхней перекладины стекает прямо в землю. Джун молча подставила туда плоскую банку и повернула её так, чтобы не задеть листья.

— Сегодня с обшивкой ничего не делаем, пока Фрэнк не даст график подачи, — сказала Хелен. — Если попросить дополнительное тепло для шва, его снимут где-то ещё, и я хочу знать где. Ящики поднимите, а эту банку наполняйте до черты, чтобы видеть, сколько у нас течёт.

Джун взяла карандаш и записала, куда они переставили рассаду. Хелен ушла к дальнему ряду, и за ней вразвалку двинулась курица, то и дело оглядываясь на дверь. На полу у стеллажа осталось сухое пятно размером с ящик, и Ноа помедлил над ним, прежде чем потянуть тележку обратно к порогу.

Первый гудок застал Ноа у трубы, где он пытался вытереть рукав и одновременно не смять повязку. Джун достала из жестяной коробки свёрток и положила его в неглубокую выемку над отводом тёплой трубы. От фольги пахло золой, и Ноа сперва решил, что она принесла сюда остатки с кухонной плиты.

— Моя доля за переборку мелочи, — сказала Джун. — Крупную оставляют к обеду, а эту я сама выбрала, чтобы не ждать, пока она пропечётся. Ты только не трогай свёрток голой рукой, снаружи он всегда горячее, чем кажется.

Она перевернула свёрток щипцами и присела на перевёрнутый ящик. Ноа посмотрел на канистры у двери, потом на часы, прикрученные к трубе над ней. До приёма воды оставалось немного времени, но Джун уже сняла фольгу, и оттуда потянуло запахом печёной картошки. В бункере этим запахом пропитывались занавески у плиты, и Ноа вдруг захотелось, чтобы хоть одна из них осталась при нём.

Джун разломила картофелину над той же фольгой, подхватила сбежавшую половинку ложкой и подала её Ноа. Он успел отвернуть край фольги, собираясь завернуть свою долю, но она отобрала у него пустой угол. За её спиной курица деловито проверяла клювом каждый стык в полу, будто и ей кто-то обещал завтрак.

— Ешь при мне, — сказала Джун. — Если кто-нибудь потом найдёт картошку у тебя в кармане, мне придётся рассказывать про то, как я воровала у самой себя. К тому же ты с утра пришёл и уже три раза поднимал то, что я собиралась поднимать вдвоём.

Ноа откусил вместе с кожурой и обжёг нёбо. Джун, глядя на него, дождалась, пока её половина остынет, и только тогда взяла ложку. У неё на рукаве опять распустилась одна из ниток вокруг букв, и Ноа увидел, как она подцепила её ногтем и машинально затянула в прежнюю дырку.

— Это отец научил тебя находить под снегом то, чего остальные не видят? — спросила она. — Ты вчера сказал про старую ветку так, будто за каждым отвалом у тебя нарисовано продолжение. Я у карты обычно знаю, где у неё верх, и дальше начинается гадание.

Ноа рассказал, как отец однажды дал ему лист с реками и велел найти дорогу домой, хотя на листе не было ни улиц, ни домов. Пришлось проследить, куда стекала вода с холма, где ручей огибал отвал и в каком месте насыпь заставляла его уйти под землю. Отец потом вывел его на настоящую дорогу и заставил сравнить каждую догадку с местностью. Ноа помнил, что половину угадал, и особенно хорошо помнил, как уверенно показывал пальцем в другую половину.

— У нас в Блэкпайне Райан водил меня по старому торговому ряду, когда его уже занесло, — сказала Джун. — Говорил, что по стойкам вывесок можно угадать, чей магазин под ногами. Один раз мы полчаса искали булочную возле магазина ламп, а потом выяснилось, что держим схему вверх ногами.

Ноа кивнул на её рукав. Джун оглядела буквы, словно после утренней работы они могли стереться окончательно, и объяснила, что куртка была Райанова, старшего брата. Свою она отдала девочке, с которой делила койку после эвакуации. Райан погиб тогда же, в Блэкпайне, и за его курткой никто больше не пришёл.

Ноа хотел спросить, почему Райан не уехал вместе с ней, но Джун уже встала и полезла в другой ящик. Она перебрала полотняные пакетики, развязала один и высыпала себе на ладонь

фасолину с розовым краем. Ноа протянул ложку, думая, что и это предлагают съесть, отчего Джун едва слышно засмеялась.

— Передай Рут, она вчера у кухни спрашивала, бывает ли у фасоли имя, — сказала Джун. — Пока не посадит, пусть зовёт как хочет. Я бы держала её в сухом кармане, далеко от твоей повязки и нашей стены.

Ноа спрятал фасолину в нагрудный карман рядом с отцовским номерком. Он хотел уже выкатить тележку один, но Джун забрала с ящика ведомость и стала отпирать внутреннюю дверь. По её словам, Фрэнк вчера вычеркнул половину утренних отметок и сегодня мог вычеркнуть вторую, если никто не придёт за его подписью. Ноа дожевал оставшуюся кожуру и взялся за тележку, привыкнув за это утро, что у каждой капли здесь есть время, место и фамилия.

В котельном отсеке пол был застлан решётками, которые отзывались на шаги по очереди. Фрэнк Уорд сидел на корточках у одной из них и собирал шайбы в раскрытый карман передника. Когда Джун покатила к нему канистры, он попросил остановиться, поднял с пола последнюю шайбу и сжал её в кулаке, пока тележка проезжала над тем местом.

Ноа помог переставить первую канистру на весы. Фрэнк записал показание, велел поменять канистры местами и покосился на меловую обводку вокруг вмятины. Джун подала ему вчерашнюю ведомость, где повреждение уже значилось, и он подвинул бумагу так, чтобы читать её вместе с сегодняшней.

— Утром у нас иней по внутреннему шву, Хелен просила принести график, — сказала Джун. — Рассаду подняли, под стеллаж поставили банку. Если дадите тепло позже, скажите хотя бы насколько позже, мне нужно знать, когда опять протирать стену.

Фрэнк вытер пальцы о край передника и вынул из папки два листа. Первый отдал Джун, а второй прижал локтем, потому что из открытого перехода всё время тянуло воздухом. Ноа узнал в таблице те же столбцы, которые видел вчера у теплицы, и заметил, что последняя строка была вписана чернилами между печатными линиями.

— Можно спросить про хвост? — сказал он. — Вчера жилые отсеки закрывали, у Рут вода в кружке схватилась. А напротив хвоста всё утро шли цифры, даже когда мы ждали у стрелки.

Фрэнк закончил записывать вес, вывел под двумя числами черту и убрал карандаш за ухо. Ноа подумал, что мастер сейчас велит ему подвинуться от весов, но тот покачал пустую канистру, проверяя, осталась ли в ней вода. Из горлышка стекла последняя капля, и Фрэнк проводил её взглядом до решётки.

— В хвост отопление завели ещё при постройке ковчега, — сказал он. — На теплицу и на хвост у меня два указанных минимума, их менять можно только по распоряжению Совета. С жилыми я вчера мог двигать часами, вот и двигал, пока вы выбирались на ветку.

— А если жильцы начнут мёрзнуть раньше, чем мы закончим? — спросил Ноа. — У нас в новом отсеке койка прямо у борта. Я обещал Рут помочь отодвинуть её, а там одна ножка приварена к стене.

Фрэнк посмотрел на него и потянул к себе таблицу. Он попросил назвать вагон и записал номер на полях, где уже теснились две похожие пометы. Потом сказал, что после дозаправки отдаст им толстую прокладку под матрас, если из мастерской вернётся хоть один обрезок.

Ноа поблагодарил его и снова посмотрел на лист. Ему хотелось спросить, кто спит в хвостовых вагонах, если за их дверями столько лет держат тепло. Но он уже видел эти вагоны снаружи и помнил, что даже за первым из них, там, где кончался свет из жилых окон, не было ни одного стекла.

Джун наклонилась над вторым листом, пока Фрэнк искал для неё карандаш. Ноа видел, как её палец остановился на подписи рядом с последней строкой. Подпись Хелен он узнал по длинной черте от первой буквы: такой же чертой она вчера подчёркивала запись о постоянной

семейной койке. Бумагу утвердили после ремонта на грузовой ветке, и цифры в новой строке остались прежними.

— Она знала, что у нас промерзает стена, когда это подписывала, — сказала Джун. — Я ей ещё вечером показала мокрый шов. Она сказала не трогать его до утра, и теперь мне интересно, какого утра она ждала.

Фрэнк ответил, что может давать тепло по часам, но менять распоряжение он вместе с ними у весов не станет. Он вернул Джун лист для оранжереи и на свободном поле начертил черту, после которой у неё должно было стать чуть теплее. Джун сложила свой лист пополам, оставив расчёт снаружи, и сказала, что теперь хотя бы знает, с какой стороны начинать разговор с матерью.

Динамик над решётками зашипел, потом объявили подход к ледовому пункту. Фрэнк вскинул голову и велел Ноа оставить тепличную тележку у весов, а самому забежать к задней грузовой двери: путевые должны были помочь принять лёд, раз их смена уже была на ногах. Ноа поправил повязку, вытянул из кармана рукавицы и почувствовал под одной пальцами фасолину, которую всё ещё надо было донести до Рут.

К задней грузовой двери Ноа добрался, когда водяные уже поставили тележки поперёк вагона. За наружным стеклом медленно проплывали щиты ледового пункта, на каждом краской была нарисована чёрная капля. Последний щит оказался перевёрнут, и Ноа подумал, что издали его вполне можно принять за путевой знак, если заранее знаешь, какой знак хочешь увидеть.

У двери Картер раздавал путевым рукавицы, которые хранились в этом вагоне для погрузок. Водяные хотели раньше всех вывести тележки к штабелю льда, иначе за ними опять выстроилась бы очередь с пустыми коробами. Путевые ждали, когда прежде льда им разрешат снять связку старых шпал со станционной площадки: если лёд пойдёт первым, доступ к связке окажется завален. Ноа встал справа от Элли и принял у Картера рукавицы, которыми мог пользоваться весь оставшийся день.

— Сегодня у нас было указано две тележки к первому звонку, — сказал водяной, упираясь животом в рукоять. — Если вылезу после вас, мне потом Фрэнк велит объяснять, почему на весах стоит вода вместо льда. В прошлый раз я говорил ему про очередь и видел, как он записал только слово «вода».

Картер прижал свою тележку носком сапога и ответил, что после ночной остановки у путевых подошёл к концу запас шпал. От движения его сапога железный угол тележки задел соседний борт. Водяной навалился на рукоять, кто-то сзади крикнул, что ему прищемили пальцы, и проход сразу стал уже на три человека.

Ноа взялся за дальнюю рукоять, чтобы оттянуть тележку с прохода. Она подалась на ладонь, а потом упёрлась в низкую перегородку между грузовой площадкой и переходом в хвост. С той стороны коротко звякнул металл, и Ноа увидел, как к стыку один за другим вышли два Хранителя. За ними шёл Холт, застёгивая верхнюю пуговицу своей куртки на ходу.

— Никто пока не трогает дверь, — сказал Холт. — Гарнер, сначала проверь пломбу на стыке. Потом хватайтесь за тележки хоть всей охраной, если от этого проход станет шире.

Тесс Гарнер обошла Ноа и присела у края перегородки. Её перчатки были так плотно пригнаны по пальцам, что она сумела перевернуть плоскую пломбу, не натянув проволоку. Пока она сверяла номер с записью, Холт велел Картеру убрать сапог с колеса, а водяному сдать назад ровно до жёлтой полосы. Через минуту между тележками снова можно было пройти боком, и водяной стянул варежку и отогнул ушибленный палец, проверяя, может ли им шевелить.

За перегородкой Тесс поднялась на ступеньку и посветила фонарём на наружную створку первого хвостового вагона. Ноа увидел лицо Элли в тёмном стекле, а за ним, в просвете, узкую эмалированную табличку. Синяя краска на ней облупилась у креплений, но три слова сохранились целиком: «Блэкпайн. Гражданская эвакуация».

Под надписью шла маленькая дуга над двумя короткими линиями. На отцовском номерке знак был выбит грубее, и одну из линий пересекала царапина, но Ноа знал этот рисунок с детства. Отец уходил на путевую в Грейменсоне, и Ноа всегда считал, что знак принадлежит только грейменсонской станции. Теперь он смотрел на табличку и вспоминал, как быстро Холт протянул руку к номерку в день жребия.

Тесс подтвердила, что пломба цела, и погасила фонарь. Холт отправил первую ледовую тележку вперёд, а выход за шпалами велел открыть с соседней площадки, под наблюдением Элли. Пока водяной выталкивал свою тележку, Картер спросил Ноа, чего тот уставился на переход, и Ноа сказал, что ждёт, когда освободится место для короба.

К концу погрузки Ноа промок до локтей, хотя почти всё время передавал короба, не спускаясь с железной площадки. Элли проверила его повязку, велела сменить наружный слой и разрешила уйти, пока Картер с водяными считали оставшийся лёд. На пути к жилому отсеку Ноа дважды нащупал в кармане номерок и оба раза вспомнил про фасолину лишь тогда, когда она перекатывалась ему под большой палец.

Рут сидела на нижней койке и вырезала из старого расписания маленький конверт. Более толстую бумагу ей не дали, и она загибала тонкие края вдвое, чтобы туда можно было спрятать что-нибудь тяжелее волоса. Ноа выложил на койку фасолину, и Рут так резко развернула конверт к свету, что бумажный край чуть не смахнул семя на пол.

— Джун сказала, пока не посадишь, зови как хочешь, — объяснил Ноа. — Только держи её подальше от стены и от воды, если собираешься сажать потом. Ты ведь не хочешь, чтобы она выросла в кармане и пришлось всюду ходить с горшком вместо ноги?

Рут выбрала для фасолины имя Перл и проверила, как она входит в конверт. Мара сняла с крючка сухую рубаху и бросила её Ноа на колени, указав на мокрые рукава. Когда Рут убежала показывать находку на кухню, он пересел поближе к свету и положил номерок на край стола.

— На хвосте есть табличка, там написано «Блэкпайн», — сказал он. — На ней этот же знак, я его даже с прохода узнал. Ты вчера сказала, Холт спросил про людей, когда нас взяли на поезд, а откуда он знал папу до того, как мы сюда поднялись?

Мара забрала сухую рубаху с его колен, потому что Ноа всё равно не переодевался. Она разложила её на койке и разровняла оба рукава, пока он ждал. За стеной начали прокатывать по решёткам первую партию льда, и в тишине между ударами Ноа слышал, как мать раз за разом проводит ладонью по одному месту.

— Ты хочешь узнать про Холта или про отца? — спросила она наконец. — Про отца я могу рассказать, что сама видела. Про Холта могу только сказать, что на его месте номерок я бы тоже узнала.

Ноа придвинул номерок к ней и попросил начать с отца. Мара взяла его за шнурок, поднесла поближе к лампе и показала на ряд цифр с обратной стороны. Она сказала, что отец отвечал за ветки и в Грейменсоне, и в Блэкпайне, хотя форму и ключи получал у них в городе. Когда груз передавали одной бригаде от другой, писали номер человека, который привёз накладные и мог подтвердить, что было принято по списку.

— Перед отъездом в Блэкпайн он перебирал бумаги на нашей плите, — сказала Мара. — Я просила не класть их туда, потому что мы только разожгли огонь, а он думал, куда деть пачку, чтобы по дороге не намокла. Взял мой промасленный передник и потом вернул его сложенным вчетверо, без бумаг.

Ноа попробовал вспомнить, видел ли когда-нибудь дома тот передник после возвращения отца. Он помнил длинное пальто на спинке стула и как отец велел убрать стул подальше от плиты, потому что сам хотел за неё держаться, когда вставал. Старая травма опять открылась, ноги у него опухли, и к концу последней недели он уже не смог добраться от стола до двери, даже когда Ноа пытался вести его под руку.

— Он уехал туда с повреждённой ногой? — спросил Ноа. — Я думал, он повредил её в шахте уже после всего. Он всегда говорил, что зацепился за что-то под снегом, и никто из нас толком не знал за что.

Мара сказала, что травма давняя, а старые раны иногда открываются в самый скверный момент. Он вернулся из Блэкпайна сам, номерок повесил у плиты, а потом почти не выходил из бункера, пока был жив. Она вытащила шнурок из пальцев Ноа, заметив, что тот обмотал его вокруг больного запястья. Когда вернула, попросила носить номерок под рубахой и больше не показывать его Холту.

— Если он ещё спросит, скажи, что я его убрала, — сказала она. — Мне он может задать любой вопрос, на который думает получить ответ. Пусть хотя бы один раз сначала придёт ко мне.

Ноа хотел спросить, на какой вопрос мать уже отвечала, но за занавеской стукнула ручка канистры. Он поспешил убрать номерок под рубаху и выглянул в проход, ожидая увидеть водяного. Мимо шла Джун с пустой канистрой, той самой, у которой вмятину обвели мелом, и, заметив Ноа, она приподняла руку, чтобы поздороваться.

Канистра звякнула о пол раньше, чем Джун успела опустить руку. Она привалилась плечом к стене, будто остановилась поправить сапог, но пальцы у неё прошлись по гладкой обшивке и нашли край дверной рамы только со второго раза. Ноа шагнул из-за занавески и отставил канистру к стене, пока Джун снова пробовала встать прямо.

— Я тебе её до теплицы донесу, — сказал он. — Рут уже придумала фасолине имя, по дороге расскажу. Только давай постоим тут немного, у тебя на верхней пуговице нитка распустилась.

Джун опустила глаза к вороту, хотя Ноа придумал про нитку на ходу и никакой нитки там не было. Он придержал её под локоть, и она оставила руку у него в ладони на два длинных удара колёс. От её рукава пахло укропом, а под плотной тканью руку всё ещё потряхивало.

Глава 4

На рассвете Ноа пришёл за конденсатом и нашёл обе двери теплицы закрытыми. Вчера он довёл Джун до теплицы, и она даже посмеялась над тем, как он держал канистру на вытянутой руке, боясь задеть её по ноге. Теперь на его стук никто не откликнулся, хотя в щель сочился свет и слышалось, как о край стола царапает карандаш.

Он обошёл тамбур и заглянул в узкое стекло второй двери. Джун сидела над журналом, подложив под локоть свёрнутую куртку Райана, и переписывала на чистую страницу вчерашние пометки. Ноа постучал костяшкой по стеклу, и она подняла голову. Защёлку ему пришлось отодвинуть самому: Джун показала на неё карандашом, но со стула так и не встала.

— Двери прикрой обе, я только добилась, чтобы здесь перестало тянуть, — сказала она. — Канистры у желоба, их можно вынести после первого гудка. Сначала скажи, что значит вот это слово, если ты видишь его в первый раз.

Она подвинула журнал к краю стола. Ноа прочёл «вторая банка» и посмотрел туда, где они вчера поставили банку под стеллажом. Джун спросила, от какого конца он начал бы считать, если бы ни разу не заходил в теплицу. Он указал на дверь, а она перечеркнула строку и написала вместо неё «банка под рассадой у стены».

Ноа заглянул под полку, чтобы проверить, хватит ли такого объяснения, и нашёл банку с первого раза. На дне у неё мерцало немного воды, а в глубине у шва теперь белело ровно до черты, которую Джун вчера провела пальцем. Она попросила его поставить под банку деревянную подкладку, чтобы та больше не задевала холодный борт. Голос у неё сорвался на последних словах, и Ноа выпрямился с подкладкой в руке, ожидая, что она договорит.

На странице уже появились отдельные указания для верхнего и нижнего ряда. Возле каждого Джун отмечала, где брать воду, какую лампу выключать последней и что делать, если у шва снова выступит иней. Вчера ей хватало нескольких слов, потому что она знала, до какой отметки нужно наполнить банку и где именно подставить её под капли. Сегодня она чертила на полях даже форму стеллажа.

— Ты решила кого-нибудь уволить и поставить на его место меня? — спросил Ноа. — Я при виде двух одинаковых банок опять перепутаю, какую нести первой. У тебя что, Хелен попросила расписать всю смену?

Джун сказала, что Хелен попросила её утром прийти в медотсек, а потом они уже решат, кто будет здесь работать. Она дотянулась до кружки, но пальцы соскользнули с ручки, и Ноа подвинул кружку ей под ладонь. Джун отпила, закашлялась и отвернулась к стене, где лампа освещала мокрый изгиб трубы. Пока она переводила дыхание, Ноа заметил, что под воротом рубахи ткань прилипла к коже, хотя руки у неё дрожали так же, как вчера в холодном проходе.

— Отнеси Хелен журнал, хорошо? — сказала Джун. — Скажи, что верхнюю полку прежде всего надо проверить у борта. Если она станет искать меня, я приду сама, только закончу здесь.

Ноа и сам сказал бы то же самое, если бы его снимали со смены при первом человеке, который пришёл помочь. Он посмотрел на обведённую мелом канистру и вспомнил, как легко вчера поверил, что Джун задела её на ходу и просто потеряла равновесие. Теперь он отодвинул тележку с дороги и сказал, что отведёт её к Мэгги сам.

Она поднялась, сунула карандаш в карман и сделала три шага к грядкам. На четвёртом плечо у неё задело подвесной лоток, и сверху посыпалась земля. Ноа успел подхватить её под мышки, но она уже всем весом осела на колени и завалилась на бок. Он опустил её между грядками и позвал по имени, пока за стенкой кто-то дважды дёргал ручку двери.

В проёме показался Тайлер, в тепличном фартуке до самых сапог. Ноа сунул ему журнал и велел отнести его Хелен, а по дороге крикнуть в медотсек, что они уже идут. Тайлер взглянул

на Джун, сунул журнал под фартук и побежал, придерживая его обеими руками. Ноа подхватил Джун под колени, повыше прижал её к груди и понёс за ним, стараясь не задеть ни одного из косяков, которые вчера проходил с пустой тележкой.

Мэгги Коул ждала их у медотсека с раскрытой дверью. Она показала Ноа, куда положить Джун, и помогла высвободить её руку, зажатую между его локтем и телом. У изголовья висел тонкий занавес, но Мэгги велела оставить его открытым, чтобы хватало света.

— Пока останься и скажи, что было вчера, — попросила она. — От начала, даже если тебе казалось, что она просто устала. Сейчас она сама за тебя всё равно ничего не расскажет.

Ноа рассказал про канистру, про то, как Джун хваталась за стену, и про кашель, который слышал ещё до первой смены. Вчера он донёс её канистру и оставил Джун у теплицы, потому что она заверила его, что за ночь выспится. Теперь он видел на её сапогах прилипшую землю и пытался вспомнить, когда она могла успеть лечь спать, если у неё до рассвета оставалась целая страница в журнале.

Мэгги приложила к груди Джун слушалку и несколько раз попросила её глубоко вдохнуть. С первого раза та даже не открыла глаз, а со второго закашлялась и вцепилась в край койки. Мэгги подождала, пока дыхание выровняется, снова прислушалась и попросила Ноа отойти от света. Он сделал шаг, нащупал спиной шкаф и только тогда заметил рядом с верхней петлёй маленький замок.

— Похоже на тяжёлую бактериальную инфекцию, — сказала Мэгги. — У меня здесь есть чем поддерживать её, пока она дышит сама, и есть препараты, которых в таком случае может оказаться недостаточно. То средство, которое я бы выбрала сейчас, хранится отдельно.

Она отдёрнула занавес у стены, и Ноа увидел в нише небольшой сейф. Дверца была исписана номерами, из которых часть стёрли, но под последним осталась незакрашенная полоска, где имелось место ещё для нескольких строк. Мэгги взяла с верхней полки ведомость, провела по ней ногтем и встала так, чтобы продолжать видеть койку.

— Осталось три ампулы, — сказала она. — Их может хватить, чтобы начать лечение, а дальше всё равно понадобится искать запас. По распоряжению этот остаток положен тем, без кого «Борей» не сможет тронуться, и для выдачи мне нужна подпись Совета.

Ноа спросил, кому именно оставили лекарство. Ему хотелось услышать имя человека, который уже лежит за другой ширмой и ждёт укола, тогда сейф можно было бы хотя бы представить частью чьего-то лечения. Мэгги назвала дежурных машинистов и людей, которых допускают к управлению реактором, а первым среди них — главного инженера Айзека Вейла.

— А моя смена сколько жизней официально стоит? — спросил Ноа. — Мы вчера тоже могли оставить поезд посреди поля, если бы Элли меня из канавы не вынула и Джек не нашёл обход. Нам теперь делить одни ампулы на двоих или в этой ведомости до нас даже счёт не доходит?

Мэгги положила лист на стул, где лежала сухая повязка для Джун. Она сказала, что Викс, один из машинистов, недавно погиб после обвала на стоянке, и с тех пор обучить полную подмену не успели. Потом взглянула на Ноа и добавила, что в её собственном журнале у пациента всегда одна строка, какую бы работу он ни делал. Для Джун в этом журнале она уже приготовила место, а теперь нужно, чтобы люди, державшие резерв закрытым, ответили ей сами.

Хелен вошла, когда Мэгги записывала время осмотра. На её переднике осталась земля, и Ноа решил, что она успела проверить полку, прежде чем прийти, но тут заметил журнал Джун в её руке. Край страницы был загнут на рисунке банки, и Хелен прижала его большим пальцем, подойдя к койке.

— Она сегодня покажет тебе, где у шва капает, но только если ты приведёшь её туда на носилках, — сказала Мэгги. — Я зову Совет, потому что есть шанс начать лечение сейчас. Если хочешь остаться рядом с ней, попроси кого-нибудь из своих прийти вместо тебя и поставить вопрос о выдаче.

Хелен положила журнал на полку у головы Джун и спросила, сколько ей идти до Совета, если воспользоваться переходом у котлов. Мэгги ответила, что Фрэнк уже у себя и его пришлют первым, а остальных вызовет из медотсека дежурный. Ноа шагнул к двери вместе с Хелен, и она велела ему взять ведомость: в зале могут спросить, как Джун принесли и когда она потеряла сознание. Он взял лист двумя руками, потому что нижний угол дрожал так, что мог порваться.

Джек пришёл к столу последним и оставил рукавицы на подоконнике. На одной ещё таяли белые точки, отчего Ноа сперва решил, что бригадира позвали прямо из шлюза. Тот заметил его у двери, кивнул на место за спиной Хелен и попросил с самого начала рассказывать только то, что было в теплице сегодня.

Ноа рассказал про журнал, кружку и три шага между грядками. Айзек Вейл спросил, успела ли Джун ответить ему перед тем, как упала, и Ноа повторил её слова про верхнюю полку. Фрэнк провёл пальцем по краю стола, будто искал знакомый выступ. Хелен дождалась, пока Ноа закончит, и положила рядом с ведомостью страницу, на которой Мэгги написала название препарата.

— Я прошу выдать резерв, — сказала Хелен. — Мэгги сможет начать прямо сейчас, а до Блэкпайна мы дойдём и найдём, чем продолжить. Если будем ждать пополнения запаса, вести его сюда уже может оказаться некому.

Айзек спросил, откуда у неё сведения о новом запасе. Хелен сказала, что сведений пока нет, и оставила ладонь на листке, когда он потянулся посмотреть диагноз. Ноа видел на её указательном пальце полоску графита от журнала, такую же, какая оставалась у Джун, когда она переписывала ночные отметки.

— У меня люди числятся подменой, но я могу оставить у управления одного из них только на несколько часов, — сказал Айзек. — После смерти Викса мы так до сих пор и подхватываем друг друга на переходах. Если завтра кто-нибудь из этой смены сляжет, ни ты, ни я за эти несколько часов нового человека не выучим.

Фрэнк развернул своё расписание, на обороте которого проступали вчерашние перечёркнутые часы. По его словам, пополнить воду удастся на подходе к городу, но это ещё не значит, что удастся пополнить что-нибудь в городе. Он накрыл пальцем последнюю отметку, где был указан срок, и сказал, что при обычном ходе до Блэкпайна ещё целая ночная смена. В случае ещё одной просадки рельсов верхнюю границу этого срока он обещать не мог.

— Я знаю, кто снял воду со стен, пока мы отогревали стрелки, — сказал Джек. — Я сегодня утром видел её журнал, его Тайлер пронёс мимо шлюза и чуть не уронил. Но если у города придётся чинить путь снаружи, машинист должен быть готов подтянуть состав к бригаде и забрать её. Я уже однажды держал людей за бортом, пока искали, кто может принять управление.

Ноа вынул из кармана рабочую карточку и положил её на стол. В нижнем углу стояла отметка, дававшая право на постоянное место у отопительного контура, и он вспомнил, как Рут берегла на новой полке жестянку с пуговицами. Он прижал к карточке большой палец, чтобы бумага не сдвинулась, и заговорил, пока ещё решался это предложить.

— Тогда снимите мою долю тепла и воды, — сказал он. — За вчерашнюю смену у меня есть отметка, за сегодняшнюю будет, я могу ещё отработать. Пускай всё, что мне полагается, пойдёт за эти ампулы.

Фрэнк посмотрел на карточку и осторожно подвинул её обратно. Он объяснил, что вода и тепло считаются по вагонам, а лекарства по отдельному резерву, и у него нет строки, куда можно записать такую сделку. Ноа убрал карточку, лишь когда Хелен протянула к нему руку и накрыла ею его пальцы. Пальцы у неё были холоднее, чем у него, хотя у стола не тянуло ни из одной щели.

Хелен проголосовала за выдачу, а Джек, Фрэнк и Айзек — за сохранение резерва. Мэгги, которая успела вернуться из медотсека, вынула из шкафа общий журнал и раскрыла его посе-

редине стола. Она записала диагноз как предварительный, отметила, что лечение предложено, и поимённо внесла результаты голосования. Когда Айзек спросил, обязательно ли держать это на виду, Мэгги ответила, что иначе в её собственном журнале останется выглядеть так, будто препарат Джун не понадобился.

Ноа вышел вслед за Мэгги, держа карточку согнутой пополам. За дверью в проходе появилась Бет Уилкс, у которой на шее висела только одна половина наушников, а вторая волочилась по куртке. Она спросила, где Айзек, потом увидела дверь зала и сказала, что приняла вызов со стороны Блэкпайна. Мэгги остановилась, когда Бет произнесла слово «госпиталь».

В радиорубке не хватило места даже для тех, кто пришёл первым. Бет усадила Мэгги на единственный стул и подвинула к ней наушники, а Ноа остался у открытой двери вместе с Джеком. Над приёмником на нитке качалась жёлтая полоска бумаги, на которой Бет успела записать услышанное до того, как побежала в Совет.

— Вызов повторялся три раза, — сказала она. — В первый я решила, что за нами кто-то просит дать сигнал на перегоне. Во второй услышала название города и дождалась третьего, чтобы записать адрес.

Она повела пальцем по полоске, проговаривая названия в том порядке, в каком они пришли сквозь помехи. Ноа услышал «госпиталь Сент-Мэри», «Норт-Эш» и номер семнадцать. Остальные слова относились то ли к прекратившейся подаче света, то ли к тому, что кто-то видел свет на путях. Бет повторила их дважды и на втором повторе оставила середину пустой, чтобы никто не принял её догадку за услышанное.

— Попроси их сказать адрес ещё раз, — сказал Ноа. — Если услышат поезд, может, им удастся ответить с другой стороны здания. Иногда у нас в бункере на кухне ловило, а возле дверей было тихо, будто провод оборвали.

Бет кивнула на передатчик и сказала, что уже дважды дала позывной. Она снова надела наушники и нажала клавишу, дожидаясь ответа. Ноа следил за её губами и ждал, что они хотя бы раз шевельнутся, повторяя чужое слово. Когда Бет сняла руку с клавиши, она сказала, что кроме треска пока ничего нет, а вызов мог идти и с автоматической записи.

Мэгги попросила довоенный справочник служб, который хранили вместе с картами станций. Бет достала из нижней полки книгу с выцветшим рисунком машины на обложке и положила её на колени доктору. Страницы были такие тонкие, что Ноа видел сквозь строку про больницы половину объявления о продаже садовых фонарей. Мэгги нашла Сент-Мэри и прочла тот же адрес, который Бет записала на полоске.

Ноа попросил её показать запись о складе, и Мэгги подвинула книгу к самому краю стола. Под адресом значились две двери: одна для пациентов, другая для машин снабжения со стороны двора. Заметив, что Ноа задержал взгляд на строке про двор, Бет оторвала для него полоску от черновой ведомости. Ноа переписал адрес и добавил, с какой стороны был грузовой вход.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.